

как показало прижизненное исследование и посмертное вскрытие, явилась жертвой неправильно и ненаучно произведенной операции плодизгнания. Женщина была привезена в клинику своим мужем, Сергеем Магалевич, из квартиры акушерки Лопухиной (Пушкинская 43). Поэтому и на основании данных предварительного следствия означенная акушерка Лопухина предана суду по обвинению в производстве незаконного выкидыша, следствием которого явилась смерть женщины". Секретарь, все ли свидетели, вызванные по делу, налицо?

Секретарь. Все кроме управляющего домом, где живет обвиняемая. Он письменно известил, что явится с некоторым опозданием.

Председатель. Если свидетель ко времени допроса не явится, притом без уважительной причины, то он будет оштрафован. Разбор дела мы начнем с допроса обвиняемой, затем свидетелей. Помните, свидетели, что когда вас вызовут и будут спрашивать, вы должны будете показывать суду по чистой совести, не соблазняясь ни чувством дружбы, ни враждой. Даете ли в этом обещание?

Свидетели *(все вместе)*, Даем.

Председатель. Тогда подпишите это обещание на листе, у секретаря на столе *(указывает)*. *(Все подписывают кроме Соколовой)*.

Соколова. Я, товарищ-судья, малограмотная.

Председатель. Ничего, подпишите как умеете. *(Сок. подписывает)*. Секретарь, уведите свидетелей в их комнату *(к свидетелям)* Вас позовут, когда надо будет *(Секретарь уводит)*

свид. и возвращается). Подсудимая Лопухина, подойдите ближе. Ваше имя и отчество? Сколько вам лет?

Лопухина. Евдокия Сидоровна Лопухина, 52 лет. Я коренная петроградская жительница.

Председатель. Под судом и следствием не были?

Лопухина. Не была.

Председатель. Чем вы занимаетесь?

Лопухина. У меня приют для беременных.

Председатель. Значит, вы занимаетесь медицинской практикой? Диплом имеете?

Лопухина. У меня громадный опыт. Нынче тридцать лет будет, как я практиковать стала.

Председатель. Но диплом у вас имеется?

Лопухина. Я окончила курс, имею звание.

Председатель. Какое звание: врача, акушерки, повитухи, повивальной бабки?

Лопухина (*вынужденно*). Я акушерка. Но по опытности.. Хоть самого профессора Воротникова спросите... Он сам..

Председатель. Суд вас о вашей опытности не спрашивает.

Обвинитель. Можно задать вопрос?

Председатель. Спрашивайте.

Обвинитель. Гр. Лопухина, почему ваш приют называется для „секретных“ беременных?

Лопухина. А это которые стесняются. Тут им обещают скромность.

Обвинитель. Отчего же они стесняются?

Лопухина. Мало ли отчего! Незамужние, или мужу изменили. Или просто так—неопытные, беременности боятся.

Обвинитель. Что-же вы им делаете?

Лопухина. Мало ли что! Совет подам, как здоровье сберегать. - Массаж, ванны разные. Другую—утешу, успокою чем можно.

Обвинитель. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Гр. Лопухина, признаете ли вы себя виновной в том, что 31 марта вы у себя на дому, в отсутствии врача, собственноручно произвели Елизавете Магалевиц искусственный аборт, следствием которого была ее смерть?

Лопухина. Нет, не виновата! Мало ли отчего у нее могло кровотечение начаться и заражение крови! Это и у лучших профессоров—акушеров случается, что беременная женщина умрет.

Председатель. Но что вы произвели аборт, это вы признаете?

Лопухина. Я не хирург и операций делать не умею. А только...

Председатель. Значит, вы и вашу операцию отрицаете? Хорошо. Ваши объяснения вы дадите потом. Садитесь. Секретарь, вызовите свидетельницу Клавдию Соколову.

Секретарь, (*приоткрыв дверь, зовет*) Соколова Клавдия!

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же и Клавдия Соколова.

Председатель. Гр. Соколова, ваше имя и отчество? Сколько вам лет?

Соколова. Клавдия Ильинишна, 50 лет. Я из Башреспублики, гор. Уфы. Меня в 1921 годе

с голодающими детьми сюда в Петроград послали—я тогда в детском доме жила—ну, с тех пор и осталась. Вот к ней на службу поступила.

Председатель. Какую же должность вы у Лопухиной исполняете?

Соколова. А прислужгой. По хозяйству тоже, что надо. На кухне, сапоги чищу. Как обнаковенно.

Председатель. А к пациенткам, к больным женщинам, что к хозяйке приходят, вы касательство имеете?

Соколова. А как же! Я от каждой чаевые получаю. У нас две комнаты под больных, три кровати. Ну, и я завсегда около них хожу и что надо, помогаю.

Председатель. А что же хозяйка ваша, собственно, с этими больными делает? И в чем ваша помощь заключается?

Соколова. А я не знаю толком: я, ведь, малограмотная. Брюхатые все приходят, тяжелые. Вот она, хозяйка моя, и помогает им опростаться. Хорошая она, хозяйка моя: про нее никто плохо не скажет.

Председатель. Чем хорошая?

Соколова. А как же: придет, этта, прислуга какая, плачет-разливается, или девушка—емназистка—куда ей, тяжелой, податься? Евдокия Сидоровна ей благодеяние и сделает. И возьмет недорого—по божески.

Председатель. Как же она это „благодеяние“ делает?

Соколова. Не знаю, батюшка. Больше просто так—массаж, ванны. Или присоветует тяжелое

что поднять, или хины даст, рожков маточных, марганцу. А не без того: иной раз, не помогает—так палочкой гуттаперчевой, твердая такая, проткнет. На спиртовке спервоначалу нагреет, чтоб, значит, для чистоты. Честь-честью, все как следует.

Председатель. А вы же что делаете при этом?

Соколова. А ничего. Больше утешаю, если бабочка кричит очень. Иная пугается, во все стороны рвется, так я ее за ручки поддерживаю. А потом, как все кончится, я, понятно, кровь подотру и дворника позову, чтоб вместилах на кровать отнести: самой мне не поднять. Положу ее, укрою, тепленького чаю дам, она и спит.

Председатель. А инструменты, палочки эти, в чем у вас лежат?

Соколова. В чем лежат? В сторонке, в бумажке газетной. Я каждый день, как пыль стираю, пыльной тряпочкой их перетру. У нас в столовой, на буфете,—завсегда лекарства, там, инструменты или что.

Председатель. А не помните ли вы, как было с Магалевиц? Ей у вас в конце марта операцию делали. Расскажите все, что вы знаете про это дело. Помните, что суду надо говорить всю правду. Если вы что знаете, должны сказать, хотя бы и против вашей хозяйки.

Соколова. А для чего не сказать? Тут греха никакого нет. Она, хозяйка моя, человеку зла не сделает.

Председатель. Так как же было с Магалевиц?

Соколова. Я по фамилии и не помню. Это, верно, та, что потом померла в клинике? Так

мало ли что! Мы тут не причинны. Мы с хозяйкой, что надо, все сделали. А что беда пришла, так на то воля божья. Я ей, помню, как она заснула—крови, действительно, много вышло—так я ей, сонной, губы легонько святой водой помочила и лампадку возле Сергия Радонежского разожгла. Пришел, этта, муж ее, сам себя не помнит. Как увидел жену в крови, да без памяти, схватил ее да повез в клинику. Там она, известное дело, и померла. Разве же они, ученые—то, да притом мужчины, против моей хозяйки могут? Им бы все по мудреному, а руки настоящей у них не-ет, шалишь!

Ведь хозяйка то моя тридцать лет этим делом занимается, все насквозь произошла!

Председатель. Значит, ваша хозяйка сделала Магалеви́ч операцию и Магалеви́ч при этом потеряла много крови?

Соколова. Верно, батюшка! Что правда, то правда. Я истины не утаю. А только я хозяйку мою, Евдокию Сидоровну, в обиду не дам. Она тогда, как эту апирацию делала, все, помню, тревожилась. Даже с лица бледная стала. Вот она какая чувствительная! Не то что профессора эти разные: им бы только резать женщин, губить души православные!

Председатель. Больше ничего не имеете прибавить?

Соколова. Ничего, батюшка.

Председатель. Не имеют ли стороны вопросов свидетельнице?

Обвинитель и Защитник (вместе). Не имею. Нет, не имею.

Председатель. В таком случае, свидетельница, можете идти. (*Соколова низко кланяется и уходит*). Секретарь, пригласите свидетеля Магалеви́ча.

Секретарь (*в боковую дверь*). Магалеви́ч Сергей!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Магалеви́ч.

Председатель. Гр. Магалеви́ч, ваше имя и отчество? Сколько лет? Занятие.

Магалеви́ч. Сергей Трифо́нович, 28 лет. Родом из Ярославской губ. Занятие—слесарь. Раньше на заводе служил, а теперь частные заказы беру.

Председатель. Вы муж Елизаветы Магалеви́ч, которая погибла после операции? Расскажите, что вы знаете по этому делу.

Магалеви́ч. Моя покойная жена Лиза погибла только по вине этой невежественной женщины, Лопухиной. Она ее прямая убийца. Мы с покойницей Лизой душа в душу жили вот уже восемь лет. Сын у нас, четвертый год теперь, сироткой остался. Всегда она была веселая, работа в руках спорилась. На нее, бывало, чужие, и то радовались глядя. Я тогда на заводе служил, а она на табачную фабрику ходила. Когда ребенок родился, хоть и малый у нас достаток, мы еще счастливее стали, еще крепче друг друга стали любить. С утра на работу оба уйдем, а Лиза с собой малыша на руках несет. На фабрике его в ясли отдает и среди дня навевывается. И все у нас ладно было и дружно. А в воскресный

день к нам и люди, бывало, соберутся, хоть и нечем нам угощать их. Смех да веселье стоят. Когда она второй раз беременна стала, тут уж наши дела много хуже сделались. Точно позавидовал кто на наше счастье: так на нас все повалилось.

Председатель. Я не хочу, свидетель, мешать вам высказаться, но помните все таки, что вы должны избегать подробностей: дело сложное, и время суда надо щадить.

Магалевиц. Слушаю, т. председатель, я постараюсь как можно короче. Так вот, все на нашу голову посыпалось. Сначала ребенок дифтеритом заболел—пошли лекарства, доктор звать пришлось. На все это денег прорва ушло. Потом к нам Лизина мать, старуха параличная, приехала—за ней уход большой постоянно требуется, и опять на лекарства разные. Но это бы все ничего, да только тут вдруг и я службы лишился. На заводе на нашем сырья не хватило и пришлось штат сократить. Я остался без места. Как раз об эту пору Лиза и забеременела. Раньше она про аборт и слышать не хотела, даже других, когда узнает, всегда осудит. А тут стала ко мне ласкаться да просить: позволь, Сергуня, я—сброшу! А я свое: не надо, какнибудь вывернемся, свет не без добрых людей!

Но тут новое горе подоспело: покойница равно стала себя больной чувствовать, особенно на фабрике табачной. Известно, каково там работать, тем более беременной. Дома старуха—мать, параличная, муж без места, ребенок только поправляться стал, краше в

гроб кладут, и ей больше не оторваться от дома, да и силы нету. Пришлось и ей с фабрики уйти. Тут уж она только и стала, что про аборт думать.

Председатель. Я опять напоминаю вам: говорите ближе к делу.

Магалевиц. Я теперь про операцию хочу сказать. Перед несчастьем с Лизой у меня как раз удача была: получил на три дня выгодный заказ, работу слесарную в акушерской клинике. 30 марта с утра взял инструмент и пошел. Очень она ко мне тогда ласковая была. Прощай, говорит, Сергуня. А сама грустная—грустная. Боялся я уходить, попросил соседку, давнюю знакомую нашу, Курилло Елену, чтоб присмотрела за Лизой, и побежал. Клиника далеко, на Васильевском острове. Я в отсутствии три дня был. 1 апреля вечером приезжаю домой, веселый такой, с деньгами в кармане. Смотрю—моей Лизы дома нет. Я туда, сюда. А Елена Андреевна, выходит, не только не оберегла мою Лизу, а сама же ее на погибель к этой Лопухиной, на Пушкинскую улицу отправила.

Страх меня взял и сказать не могу какой. Прибежал я туда. Она, Лопухина эта, сначала было отказываться стала: никакой, говорит, жены вашей тут нет. Верно, не туда вы попали. Но я силой прорвался в ее квартиру, и нашел мою Лизу. В луже собственной крови плавает, без сознания, и в лице ни кровинки. Я свету не взвидел. Вытащил из кармана зубило и—судите меня за это!—наотмашь Лопухину эту самую! Потом схва-

тил Лизу мою, кое-как на извозчика уложил и повез в эту самую клинику, к профессору.

Сколько я там за эти три дня наслушался всякого, сколько я горя женского насмотрелся, на лекциях со студентами! С ученым доктором одним, Бугаев по фамилии, разговаривался. Он заметил, что я встревоженный такой, расспросил и все мне про беременность объяснил, и про аборт, что и как. Хороший такой, душевный человек. Я к нему и повез. Он сразу хлопотать стал возле Лизы. Все делал, но ничего не помогло: поздно уж! И через двое суток, к вечеру, страдальца моя померла, меня с Мишухой сиротами оставила!..

Сколько жить буду, а ей, Лопухиной, этого не прощу! Из-за жалких грошей она жизнь человеческую загубила, всю семью нашу разрушила.

Председатель. Больше ничего не имеете сообщить по делу?

Магалевиц. Больше ничего.

Защитник. Позвольте, т. председатель, задать свидетелю вопрос.

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. Легко ли прошли у вашей покойной жены первые роды? Сколько они продолжались и на который день после родов она встала?

Магалевиц. Нет, трудно она рожала. Почти сутки целые мучилась. А встала на десятый день только.

Защитник. А сколько лет она на табачной фабрике работала?